

ГАДЖИЕВ Камалудин Серажуудинович — д.и.н., профессор; главный научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений РАН (117997, Россия, г. Москва, ул. Профсоюзная, 23; gadjievks@mail.ru)

ФУНДАМЕНТАЛИЗМ В ПОЛЕ ПЕРЕСЕЧЕНИЯ ЗАПАДНЫХ И ИСЛАМСКИХ ЦЕННОСТЕЙ

Аннотация. В статье предпринята попытка выявить некоторые системные характеристики западных и исламских ценностей, идей и установок в их радикальных проявлениях и дать их сравнительный анализ. Показано, что можно говорить не только об исламском, христианском, протестантском, православном, но также о либеральном, демократическом, консервативном, коммунистическом фундаментализме, фундаментализме прав человека, рыночном фундаментализме и т.д. Главное внимание в статье уделяется идеям крайне правой группы публицистов-карикатуристов, сгруппировавшихся вокруг парижского журнала *Charlie Hebdo* и одного из течений салафизма в исламе. Показано, что при всех различиях социокультурного, политико-культурного, идейно-политического и иного характера эти два феномена весьма близки друг другу по преследуемым ими целям, направленности и результатам деятельности, уровню экстремизма и т.д.

Ключевые слова: фундаментализм, *Charlie Hebdo*, радикализм, демократия, либерализм, либертариизм, терроризм, ислам, политический исламизм, салафизм

Одной из заметных тенденций развития современного мира является все возрастающий рост влияния радикальных движений, организаций, партий, программные документы и деятельность которых основываются на комплексе идеологических, социокультурных, политико-культурных, вероисповедных и иных ценностей, идей, принципов, установок, объединяемых под общим названием «фундаментализм». Это понятие правомерно использовать применительно к течениям мысли — как секулярным, так и религиозным, — выступающим за «чистоту» своих идеологий и идейно-политических программ путем их очищения от появившихся в ходе общественно-исторического развития вредных, по их мнению, напластований, уклонов и, соответственно, за возврат к первоначальным базовым или фундаментальным основам, истокам.

Понимаемый так фундаментализм характерен для всех обществ на протяжении всей писаной истории, особенно в периоды глубоких экономических, социальных, социокультурных, политических трансформаций. В этом смысле применительно к современному миру можно говорить не только об исламском, христианском, протестантском, православном, но также о либеральном, демократическом, консервативном, коммунистическом, рыночном фундаментализме, фундаментализме прав человека и т.д.

Для фундаменталистов типичен редуционизм, т.е. упрощенный подход к религиозным догматам. Он близок к различным проявлениям ортодоксии, в основе которой лежат радикализм, религиозный, мировоззренческий или социальный фанатизм, ксенофобия, политизированные этнизм и религиозная вера, расизм и т.д. в их крайних проявлениях. Носителями идей фундаментализма чаще всего выступают маргинальные слои населения, вытесненные на периферию общественной и политической жизни. Однако всякого рода идеи и проекты переустройства общества, некогда казавшиеся утопическими, маргинальными, неосуществимыми, со временем в глазах все большего числа людей приобретают респектабельность, статус необходимых для преобразования общества, т.е. реально осуществимых. Подобные идеи и проекты выдвигаются на передний план в периоды более или менее глубокого кризиса.

Как правило, в последние два-три десятилетия в массовом сознании этот феномен связывается прежде всего с исламским фундаментализмом. Однако события, связанные с террористическим актом против французского издания *Charlie Hebdo* в Париже в январе 2015 г., выпячивают еще одну не менее важную его сторону, а именно

проявления крайнего радикализма и экстремизма в идеолого-информационной, социокультурной и политико-культурной сферах современного мира в целом. С этой точки зрения интерес представляет интерес сравнительный анализ западного и восточного вариантов фундаментализма на примере *Charlie Hebdo* и политического исламизма.

Оба этих феномена нельзя правильно понять в отрыве от тех тектонических сдвигов, которые происходят в глубинных инфраструктурных пластах общественно-политической жизни и мировидения современного мира. Применительно к Западу речь идет о целом ряде тенденций и процессов, которые подспудно начали вызревать и постепенно набирать обороты в течение примерно последних полутора столетий и достигли своего апогея в наши дни. Здесь внимание привлекает прежде всего процесс дестабилизации, охвативший различные сферы общественной жизни – социокультурную, политико-культурную, идейно-политическую и пр.

Значимость табуизации теснейшим образом связана с первоначалами человеческой истории. Табу коренятся в самой природе человека как общественного существа. Само возникновение человека, его выход из животного, или стадного, состояния теснейшим образом связаны с необходимостью подчинения врожденных эгоистически-индивидуалистических и агрессивных задатков и инстинктов отдельно взятого индивида императивам формировавшейся социальной жизни, интересам общины, коллектива, рода, племени. Без табу невозможно себе представить переход людей от состояния безвластия, анархии и вседозволенности к состоянию, когда человеку под угрозой наказания, в т.ч. и применения физического насилия, не дозволяется совершать те или иные деяния. Императивы очеловечивания диктовали необходимость формирования внешних механизмов подчинения человека нормам совместной общественной жизни. В этом смысле антропогенез и социогенез теснейшим образом связаны между собой, они составляют две стороны единого процесса антропосоциогенеза.

Иначе говоря, когда отсутствуют или теряются внутренние сдерживающие механизмы, в силу должны вступать табу, налагаемые извне, внешняя цензура, которые невозможно обеспечить без субъекта, наделенного правом и средствами принуждения. В качестве такого субъекта, как правило, выступает государство. Суть проблемы состоит в том, что любое человеческое сообщество, тем более государство, претендующее на пригодность к существованию в настоящем и будущем, не может быть жизнеспособным без неких сверхличных идеалов, ради которых каждый отдельно взятый индивидуальный гражданин готов жертвовать своей жизнью. Иначе человечество не имело бы своих прометеев, икаров, иисусов и т.д. Как показывает опыт всей писаной истории человечества, почти всегда, когда перед обществом и государством стояла дилемма выбора между собственным самосохранением, с одной стороны, и жизнью отдельно взятого человека, его правами и свободами – с другой, приоритет отдавался императиву самосохранения государства. Поэтому государства проявляли безоговорочную готовность жертвовать жизнью не только граждан своего противника, но и собственных граждан. Ослабление власти связано с вольным или невольным снятием тех или иных табу, с процессом дестабилизации. С этим же связаны различные формы анархии, нигилизма, вседозволенности и другие антиобщественные феномены.

Особенно отчетливо эти процессы и тенденции проявляются в вероисповедной сфере. Как известно, Ф. Ницше устами Заратустры поведал миру о смерти бога. Причем он говорил об этом не в буквальном смысле, а в смысле нравственного кризиса – об утрате людьми веры в абсолютные моральные ценности и законы. С величайшим сожалением приходится констатировать, что бог в той ипостаси, в которой его представлял и проповедовал Иисус Христос, давно умер в сознании определенной части западного человечества. Так, ницшеанский безумец, который ходил по различным церквам и пел в них свой *requiem aeternam deo*, все время твердил одно и то же: «Чем же еще являются эти церкви, если не могилами и надгробиями Бога?» [Ницше 1990: 592-593].

Если применительно к современному миру эта притча неверна, то как объяснить тот факт, что число новых церквей, мечетей, синагог и т.д. постоянно растет? Однако

было бы преждевременным и неправомерным утверждение, что пропорционально с этим растет уровень духовного здоровья общества. Здесь вряд ли есть резон напомнить о скандалах, связанных с разоблачениями фактов широкого распространения педофилии в католической церкви, и пр. Развертывается, расширяется и приобретает агрессивный характер кампания своеобразной формы богоборчества внутри различных ответвлений христианства. Предлагается кардинальная ревизия или переоценка ряда ключевых постулатов Библии. К примеру, в догмате о Пресвятой Троице говорится не о Боге-Оно (среднего рода), как считают сторонники такой ревизии, а о Боге Отце, Боге Сыне и Святом Духе. Или же, говоря о непорочном зачатии и рождении Иисуса Христа, было бы абсурдным предполагать, что он появился на свет от родителя № 2, а не от Богородицы Марии. Впрочем, иное понимание иначе как попыткой подкопа под саму идею бога нельзя назвать. Если Ницше понимал смерть бога метафорически, то для современных сторонников детабуизации он умер в буквальном смысле слова. Более того, в его убийении они, возможно, поставили последнюю точку. И если победит их точка зрения, то, возможно, христианство действительно исчерпало себя и не способно служить в качестве основополагающей скрепы евроатлантической иудео-христианской цивилизации.

В таком случае придется говорить о начавшемся процессе дехристианизации западного мира. Создается впечатление, что Европа уходит не просто далеко, а очень далеко, отрываясь от корней. Вольно или невольно начинается процесс мутации или, вернее сказать, абберации ценностей и институтов, священных для народов в течение большей части писаной истории. Проявлениями этого процесса, как представляется, является распространение промискуитета, шведских браков, бой- и герл-френдизмов, разных вариаций нетрадиционной сексуальной ориентации и др., также подрывающие такие основополагающие доминанты иудео-христианской (и не только) цивилизации, как разнополюые экзогамные браки и семья в традиционном смысле и др. К феноменам этой же категории относятся феминизация мужчин и, наоборот, маскулинизация женщин, причем не скрывааемые, а официально признаваемые, даже афишируемые и активно пропагандируемые, во все более растущей степени оказывающие влияние на важнейшие сферы жизни людей, в т.ч. на политику государства и геополитику.

Естественно, эти феномены и тенденции ведут к деформации исконно женских и мужских ролей в обществе. Об этом свидетельствует, в частности, развернутая кампания по изменению используемых веками терминов и понятий на будто бы «политкорректные» аналоги. Так, в целом ряде стран в официальных документах словосочетание «муж и жена» заменяются нейтральными терминами вроде «партнеры», словосочетания «мать и отец» — «родителем № 1 и родителем № 2». В 2009 г. в Европарламенте были запрещены обращения «мисс» и «миссис», т.к., по утверждениям некоторых правозащитников, это может оскорбить достоинство женщины.

На этой почве появились и продолжают появляться разного рода утопические идеи вроде получившей в свое время скандальную известность концепции «конца истории», с помощью которой пытались убедить всех и вся, что западная либеральная демократия победила окончательно и утверждается в качестве «высшей формы организации человеческого общества». Сформировался феномен, который корреспондент газеты «Гардиан» Э. Пирс назвал «западным комплексом», которым оказались заражены многие, прежде всего отдельные категории более или менее продвинутой части населения евро-атлантического мира.

В этом плане ключевую роль играет тот факт, что одни и те же идеи при соответствующей упаковке и подаче могут быть использованы как для созидательных, так и для разрушительных целей. Наглядное представление об обоснованности данного тезиса можно получить на примере тех трансформаций, которые за последние десятилетия претерпел либерализм, на котором базируются основные ценности и институты политической демократии. Разумеется, в качестве одного из ведущих течений общественно-политической мысли, служащего основой социальных и экономических реформ, либерализм традиции Ф. Рузвельта, Д. Ллойд-Джорджа, Дж. Джолитти и др. сохраняет ведущую роль и значимость.

В то же время некоторые изъяты из общего контекста, превратно истолкованные, подвергнутые редукции, примитивизации и абсолютизации идеи этого течения используются для обоснования тех или иных радикальных и даже экстремистских идеологий, будь то анархизм, либертариизм, рыночный, демократический и иные формы фундаментализма. Подобные мутации, в конечном счете, привели к выхолащиванию или даже потере самого духа и сущности либерализма Дж. Локка, Ш.Л. Монтескье, И. Канта, Т. Джефферсона и других его отцов-основателей. В этом вопросе можно согласиться с немецким исследователем Г. Рормозером, который называл либертариизм «извращенной формой либерализма».

В результате понимаемые в либертариистском духе демократия, права и свободы человека приобрели признаки и очертания своего рода идеологии или системы религиозного культа. Формируется нечто вроде нового тоталитаризма в перевернутой форме. Именно в этом русле следует понимать попытки использовать идею демократии как своего рода миссионерский лозунг, используемый к месту и не месту для обоснования разного рода санкций, конфликтов, войн, «цветных революций», для экспорта демократии и прав и свобод человека.

Чтобы правильно оценить смысл этих рассуждений, необходимо учесть, что понятия «свобода выбора» и «внутренняя свобода» неправомерно рассматривать как синонимы. Свобода выбора не всегда и не обязательно может быть отражением внутренней свободы. Если первая при соответствующей трактовке может быть разрушителем всех табу, традиций, мифов, легенд, иллюзий, составляющих духовные скрепы человеческих сообществ, то вторая ограничивает свободу выбора, чтобы сохранить ее в пределах «золотого правила», или дозволенного. В противном случае культура и традиция в собственном смысле слова могут стать жертвами насилия со стороны безудержной, ничем не сдерживаемой свободы.

В современном обществе, характеризующемся взаимодействием и столкновением множества волей, ценностей, установок, потребностей, интересов и т.д., нет и не может быть единого понимания свободы. Тем более не может быть абстрактной, абсолютной свободы. Как правило, когда хотят защищать свободу слова, приводят известное выражение Вольтера: «Я не согласен с Вашим мнением, но я отдал бы жизнь за то, чтобы услышать его». Это выражение коррелирует с еще более известным высказыванием лорда Эктна: «Власть развращает, абсолютная власть — развращает абсолютно». Разумеется, было бы совершенно неразумно не соглашаться с обоими мыслителями. Но признание их правоты не означает допустимость абсолютизации свободы, ее фундаменталистского понимания. Как верно отмечала американский писатель и историк Гертруда Химмельфарб, «свобода тоже развращает, а абсолютная свобода развращает абсолютно». Такая свобода служит основой для формирования культуры вседозволенности, если она уже не сформировалась.

Обоснованность данного тезиса подтверждается как раз на примере казуса *Charlie Hebdo*, который воочию продемонстрировал, что ничто так не подвергает риску личную свободу отдельно взятого человека, как избыток свободы. Следовательно, свободу нельзя отождествлять со своеволием. Она нуждается во внешнем ограничителе, прежде всего в лице государства. Может, при определенных условиях мир окажется в ситуации, когда возникнет необходимость защиты демократии от слишком рьяных демократов, а прав и свобод человека — от слишком рьяных их защитников.

Во имя превратно понятых прав и свобод человека всячески поощряется политика демонтажа всех возможных табу, насаждения беспредельной толерантности, зачастую выражаемой термином «политкорректность» и ставшей ключевой составляющей демократического мессианизма. Парадоксальным образом толерантность, которая многими мыслится как интегральная часть мифологии прав и свобод человека, претерпевает своеобразную инверсию. Проблема европейских крайних радикалов варианта *Charlie Hebdo* состоит в том, что они от, казалось бы, невинных упражнении по окарикатуриванию основателей и пророков мировых религий плавно перешли на путь бескомпромиссной борьбы против ценностно-исповедных систем соответствующих народов, при этом агрессивно навязывая им собственные ценности, рассматриваемые как истина в последней инстанции.

Во все возрастающей степени высвечивается ее оборотная сторона, а именно нигилизм в оценке всего того, что не соответствует западным ценностям и стандартам, неприятие ценностей и культур незападных народов, осмеивание их верований, оскорбление их богов, пророков, мучеников через разного рода карикатуры. Они, возможно, представляют для стабильности в мире и для его перспектив не меньшую опасность, чем Усама бен Ладен и его сторонники, поскольку речь идет о вторжении в ценностные системы, разжигании расовой и религиозной ненависти. Как констатировал З. Бжезинский, «стереотипные черты арабов, особенно в газетных карикатурах, порой обыгрываются способами, печально напоминающими антисемитские кампании нацистов. В последнее время к подобной пропаганде подключились и некоторые студенческие организации, очевидно позабыв, что от разжигания расовой и религиозной ненависти — один шаг до чудовищных преступлений Холокоста»¹. По сути, ставится цель с помощью экспорта демократической революции разрушить ценностную систему и инфраструктурные институты политической самоорганизации незападного мира.

Оценивая в этом русле установки и деятельность данного издания, важно отметить, что насилие и террор могут быть не только сугубо физическими, но также морально-этическими, информационно-пропагандистскими, идеологическими и т.д. Слово, даже жест так же оскорбляют, как и физическое насилие. Некогда порядочные люди самого высшего полета погибали как «невольники чести» из-за словесного оскорбления. И это не удивительно, поскольку, как гласит восточная поговорка, рана, нанесенная мечом, заживает, а рана, нанесенная словом, — нет.

Нельзя не отметить также тот факт, что стратегия экспорта демократической революции, основанная на вышеупомянутом «западном комплексе», помимо хаоса и бедствий для стран, ставших ее объектами, привела к еще одному весьма опасному для безопасности Запада и, возможно, мирового сообщества в целом результату. Речь идет о том, что светские авторитарные режимы стран Ближнего Востока и Северной Африки, уничтоженные в результате реализации этой стратегии, в совокупности составляли своего рода пояс обороны против расширения волн незаконной миграции в страны Запада, что, в частности, стало одним из факторов, подготавливших почву для казуса *Charlie Hebdo*.

Процессы и тенденции, аналогичные изложенным, в тех или иных проявлениях и масштабах характерны также для исламского мира. Так, дегабузации в перевернутой форме подвержены сторонники политического исламизма, поскольку обществу навязываются некие первобытные запретительные табу для элиминации других, более значимых для «золотого правила», или (по Канту) «категорического императива» (таких, например, как «не убий», «не делай другому того, чего не желаешь себе», «моя свобода кончается там, где начинается свобода другого» и т.д.).

Ислам — отнюдь не монолитная и застывшая вероисповедная система. Он многолик и представлен десятками различных школ и направлений и характеризуется отсутствием какой-либо центральной инстанции, выступающей от имени всего сообщества верующих (уммы), или же к которой могли бы апеллировать верующие. Ислам демократичен в том смысле, что допускает правомерность существования различных позиций и оценок. Лица, получившие религиозное образование, или улемы, вправе толковать и комментировать Коран и Сунну или хадисы. Они могут опровергнуть любую точку зрения, обнаруженную любым общепризнанным религиозным авторитетом или учреждением. Этим, помимо всего прочего, объясняется активизация в тех или иных условиях разного рода возрожденческих и фундаменталистских движений, объединяемых под общими названиями «салафизм», «политический ислам», или «исламизм», «исламский фундаментализм». Именно они в последние два-три десятилетия стали фактором, оказывающим все более растущее влияние как на национальном, так и на глобальном уровнях.

Исламские фундаменталисты опираются исключительно на Коран и Сунну, рассматриваемые как вечные и абсолютно верные, следовательно, пригодные для всех времен и народов. Для них Коран и Сунна — единственные источники всех чело-

¹ Brzezinski Zb. 2007. The «War on Terror» Is Terrorizing Ourselves. — *The Washington Post*. March 25.

веческих ценностей, законов, образа жизни и т.д. При этом для обоснования своих позиций они используют те положения Корана и Сунны, которые соответствуют их собственным интересам и целям, — естественно, в их радикальном истолковании. Теоретической базой исламского фундаментализма служат труды ибн Таймийи (1263—1328), М. ибн Абд аль-Ваххаба (1703/4—1787), теоретиков XX в. Хасана аль-Банна, Сейида Кутба, Абу аль-Аля Маудуди и др.

Фундаменталисты придерживаются идеи дихотомии мира, полярности добра и зла. Они рассматривают мир как арену вечной борьбы между силами добра, возглавляемыми Аллахом, и силами зла, во главе которых стоит Иблис. В этой борьбе не может быть нейтралитета, ибо, по их мнению, «кто не с нами, тот против нас», поскольку критерием добра объявляется вера в Аллаха.

В период, когда жил выдающийся мусульманский богослов, юрист и политический писатель ибн Таймийя, мусульманская религия перестала быть монолитным учением и распалась на множество сект и течений. Поэтому он видел выход из создавшегося положения в возврате к единой и монолитной религии, которая, по его мнению, существовала в первые века истории ислама. Подвергнув в своих многочисленных политических, правовых и философских сочинениях скрупулезному анализу все исламское наследие, он видел выход из создавшегося положения в возврате к истокам, восходящим к самому Пророку и первым халифам. Он одним из первых объявил войну шиизму и суфизму, выступил против паломничества к могиле Пророка и празднования дня его рождения.

Следуя за ибн Таймийей, основатель ваххабизма Абд аль-Ваххаб утверждал, что за неприятием верующим такой интерпретации ислама должно следовать лишение неприкосновенности его имущества и жизни. Ключевое место в учении ибн Таймийи и аль-Ваххаба занимала идея «такфира», согласно которой человека можно считать неверным, если он не признает законность абсолютной власти короля. Как ибн Таймийя, так и аль-Ваххаб осуждали всех верующих мусульман за почитание умерших, святых или ангелов, паломничество к могилам и особым мечетям, за религиозные праздники, чествование святых, запрещали воздвигать надгробия при погребении умерших. Они считали, что те верующие, включая шиитов, суфиев и представителей других течений ислама, которые не признают эти ценности и установки, должны быть преданы смерти, их жены и дочери подлежат поруганию [Крук 2014].

Все эти ценности и установки приняты нынешними исламскими фундаменталистами. Они выступают за восстановление изначального ислама путем обращения к опыту ас-салаф ас-салихун, отчего исламский фундаментализм получил название «салафия» (салафизм). Следует отметить, что сам по себе термин «политический ислам», или исламизм, нейтрален. В нем причудливым образом сочетаются радикальные и умеренные, традиционные и современные идеи, принципы, установки. Исламисты-салафиты — одновременно модернизаторы и охранители ислама. Поэтому порой не совсем корректно ставить знак равенства между исламизмом, экстремизмом и терроризмом. Исламист может быть экстремистом и террористом, но не все исламисты таковы. Анализ реального положения вещей показывает, что в современном исламском фундаментализме существуют умеренные и радикальные течения левого и правого толка. В ряде исламистских организаций могут бок о бок сосуществовать как подразделения, использующие мирные, легальные методы работы, так и подразделения законспирированные, прибегающие к насильственным методам и террору. Верно, что в одном из наиболее известных широкой публике России ответвлений салафизма — ваххабизме — джихад большей частью трактуется как «священная война» против неверных, в т.ч. и мусульман, которых его приверженцы считают отступниками от истинной веры. При всем том ваххабизм в целом с точки зрения степени агрессивности или неагрессивности также нельзя трактовать однозначно негативно. Ведь он является государственной религией Саудовской Аравии, которая, как известно, активно борется с терроризмом.

Можно выделить следующие установки, разделяемые большинством приверженцев исламского фундаментализма: это идея универсальности ислама, предполагающая всеобщность и неразделимость религии, общества и власти; призыв

к возврату к первоначальному, «истинному» исламу, его очищение от различных вредных исторических напластований; панисламизм; установление исламского миропорядка путем возрождения халифата и др. Они выступают против поклонения зияратам (святым местам), за сокращенный ритуал поминовения усопших. По их мнению, следует отказаться от существующих в настоящее время четырех суннитских масхабов, или толков, поскольку возможен только один общий подход к толкованию Корана и Сунны в рамках единого масхаба. Здесь важно отметить, что кавказский ислам вобрал в себя множество норм и принципов горских адатов, которые решительно защищаются подавляющим большинством верующих и руководством традиционного ислама в регионе. Естественно, фундаменталисты выступают за отказ от них.

Хотя основополагающий салафитский тезис о возврате к истокам на протяжении веков претерпел более или менее существенную трансформацию, особенность салафии в наши дни состоит в том, что ее приверженцы действуют в контексте двойного противостояния – истинный ислам против испорченного ислама и мусульманский Восток против неверного Запада, который, по мнению салафитов, стремится разрушить мир ислама. Наиболее радикальная часть фундаменталистов (в лице, например, тафриритов) обосновывает необходимость вооруженной борьбы не только с так называемыми кяфирами, т.е. представителями других конфессий, но и с мусульманами, не разделяющими их взгляды. Тафририты крайне негативно относятся к органам власти и правоохранительным структурам, официальному мусульманскому духовенству и мусульманам традиционного толка, призывают к отказу от службы в армии и работы в государственных структурах. Зачастую они реализуют свои идеологические установки на практике путем совершения общеуголовных преступлений (вымогательства, разбой, грабежи), значительная часть дохода от которых идет на ведение «джихада с неверными».

Не случайно традиционный ислам на Северном Кавказе ведет борьбу не столько с влиянием Запада, сколько с форсированным проникновением исламского «иноверия» с Востока. Слово «иноверие» здесь не случайно, поскольку салафия (ваххабизм) рассматривается местным духовенством и солидарным с ним большинством общества как вероотступничество. Впрочем, такой позиции придерживаются и руководители традиционного ислама большинства мусульманских стран.

Как любая радикальная идеология, политический ислам склонен обретать силу и приверженцев на путях внешней экспансии. В этом плане в исламизме нашли законченное выражение идеи и установки панисламизма, сформулированные еще в XIX в. С. Джамаль ад-дином аль-Афгани, который выступал за формирование «религиозно-политического союза мусульманских народов», «единение мира ислама (Дар аль-Ислам) в единую мощную группировку» на основе принципов Корана.

На этой основе отдельные руководители фундаменталистских групп разработали и пытаются осуществить свою версию экспорта исламской революции с целью реализации идеи межнационального исламского государства далеко за пределы самого исламского мира. Из множества высказываний на эту тему приведу лишь мысль саудовского шейха М.А. аль-Карига, который во время одной из своих проповедей говорил: «Пророк сказал, мусульмане завоюют Индию, а также Константинополь и Рим, где находится Ватикан. Мусульмане завоевали Персию и Византию, они дошли до Индии и границ Китая. Ислам покорит также Рим в недалеком будущем»¹.

Что касается Исламского государства, то его руководители объявили своей целью восстановление халифата в пределах всего исламского мира, а у наиболее экстремистских группировок – всемирного халифата. Разумеется, эти и подобные им проекты иначе как бредом нельзя назвать. Тем не менее своего рода репетицией экспорта исламской революции, призванной создать условия для реализации подобных установок, можно считать экспансию исламского фундаментализма на постсоветское пространство.

Можно согласиться с теми исследователями, по мнению которых руководитель

¹ Аль-Кардави Ю. 2014. Провозглашение халифата нарушает шариат. 6 июля. Доступ: <http://www.islamnews.ru/news-146815.html>

Исламского государства Абу Умар аль-Багдади использует язык и идеи основателя ваххабизма Абд аль-Ваххаба, который утверждал, что вера в единого Бога сама по себе недостаточна, чтобы считать человека мусульманином. По его мнению, человек не может быть истинным верующим, если он одновременно не отрицает активно и не разрушает все другие предметы поклонения. После того как саудовский режим объявил Исламское государство Ирака и Леванта (ИГИЛ) террористической организацией, ее руководители призвали к свержению саудовской монархии и освобождению святых мест ислама. При этом они заявили о своем намерении разрушить Каабу, считая поклонение Черному камню, вмонтированному в мусульманскую святыню, идолопоклонством, мешающим истинной вере в Аллаха¹. Если следовать такой трактовке «истинного ислама», то почти все мусульмане, исповедующие традиционный ислам, подпадают под определение «неверных» и, соответственно, врагов.

Иначе говоря, «эбдоисты» всех мастей и исламистские радикалы, которые совершили свое злодеяние в помещении журнала *Charlie Hebdo* 7 января 2015 г., по духу весьма близки друг другу. Разница между ними состоит в том, что если «эбдоисты» видят мир, основанный на ценностях и установках либертариизма с его вседозволенностью, то исламистские радикалы при всех своих декларациях о защите ислама занимаются выхолащиванием сути Корана и ислама и, метафорически говоря, убийством Аллаха и его пророка-посланника. Иными словами, обе стороны занимаются извращением сути либерализма, с одной стороны, и ислама – с другой. Здесь, как справедливо отмечал С. Жижек, имеет место состояние войны между абсолютизмом религиозного характера и другим абсолютизмом – нашим, т.е. с политической культурой экстремального и солиптического тысячелетнего национализма [Pfaff 2015].

Можно согласиться с Жижekom в том, что «конфликт между либеральной вседозволенностью и фундаментализмом в конечном счете является ложным конфликтом, что это порочный круг из двух полюсов, которые порождают друг друга и предполагают существование друг друга. То, что философ Макс Хоркхаймер говорил в 1930-е годы о фашизме и капитализме (те, кто не хотят критиковать капитализм, должны также хранить молчание по поводу фашизма), применимо и к сегодняшнему фундаментализму. А именно: те, кто не хотят критиковать либеральную демократию, должны также хранить молчание по поводу религиозного фундаментализма»².

Разумеется, в трактовке этих феноменов совершенно неуместны какие бы то ни было оценочные, тем более морализаторские увещания, поскольку каждый человек – хозяин своей судьбы и имеет право выбрать тот путь, который он считает соответствующим своему призванию. Они, как говорится, неотъемлемые реалии современного мира, в котором великие религиозные учения, равно как секулярные идейно-политические конструкции, в значительной степени устарели или потеряли банкротство и потеряли способность играть роль мобилизующих идеалов. Не всегда продуктивными оказываются традиционные средства, методы, теории, концепции решения встающих перед народами, регионами, самим миропорядком проблем. Взамен них не разработаны и не предложены какие-либо масштабные альтернативные идеи и проекты общественно-политического развития. В результате стало весьма трудным делом выявление того, где начинаются и где кончаются границы управляемости и предсказуемости общественно-политических процессов.

Значимость этих метаморфоз станет очевидной, если учесть, что они чреваты стиранием традиционных различий между дозволенным и недозволенным, допустимым и неприемлемым, нормальным и ненормальным, сакральным и профанным. Размываются линии разграничения между высоким и низким, элитарным и массовым, интеллектуальным и антиинтеллектуальным, серьезным и несерьезным, прогрессивным и ретроградным.

Как показывает опыт мировых цивилизаций и империй, подобные феномены

¹ Добров Д. Аравийскому полуострову угрожает дестабилизация. – *ИноСМИ*. Доступ: http://inosmi.ru/or_ed/20150206/226090718.html

² Жижек С. 2015. О расправе в Charlie Hebdo: злые дошли до остервенения? 10.01. – *ИноСМИ*. Доступ: <http://inosmi.ru/world/20150113/225494698.html>

являются спутниками определенных стадий общественно-исторического развития. Касательно нынешнего положения дел, возможно, наступили сумерки известного нам в течение нескольких столетий мироустройства. Достигнув пределов своего развития, оно становится достоянием истории, и мы переживаем своего рода осевое время, характеризующееся тектоническими сдвигами в бытийных основах жизни во всепланетарном масштабе, переоценкой основополагающих ценностей. Одним из предвестников наступления таких сумерек является появление все более агрессивно заявляющих о себе разного рода новых форм варварства. Рассмотренные здесь идеи и установки можно рассматривать как вышедшие наружу отголоски ранее сублимированных, табуизированных эгоистических потребностей, устремлений, грез, фантазий людей, не желающих более подчиняться веками установленным в обществе ценностям, принципам, обычаям, традициям и т.д. Собственно, они никогда в полной мере и не исчезают из общества, а загоняются вглубь сознания или подсознание той или иной части людей при жизни самых совершенных цивилизаций. Время от времени при определенных условиях, особенно в переходные периоды, они дают о себе знать в самых причудливых формах, в т.ч. в виде нового варварства в недрах господствующей цивилизации.

Список литературы

- Крук А. 2014. Нельзя понять, что такое ИГИЛ, не зная историю ваххабизма в Саудовской Аравии. 4 сент. Доступ: <http://oko-planet.su/politik/politikday/254558>
- Ницше Ф. 1990. *Сочинения*. В 2 т. М.: Мысль. Т. 1. 831 с.
- Pfaff W. 2015. Why the Arab World Fights. — *The American Conservative*. January, 1.

GADZIEV Kamaludin Seradzudinovich, Dr.Sci.(Hist.), Professor, Senior Researcher, Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (Profsojuznaja st., 23, Moscow, Russia, 117997; gajievks@mail.ru)

FUNDAMENTALISM IN THE INTERSECTION OF THE WESTERN AND ISLAMIC VALUES

Abstract. *The paper attempts to identify some of characteristics of the system of the Western and Islamic values, ideas and attitudes in their radical forms and to give its comparative analysis. It has been shown that it is possible to talk not only about the Islamic, Christian, Protestant, Orthodox, but also about the liberal, democratic, conservative, communist fundamentalism, fundamentalism of human rights, market fundamentalism, etc. The main attention is paid to the ideas of the extreme right group of publicists, cartoonists, grouped around the magazine Charlie Hebdo in Paris and of one of the currents of the Salafi movements in Islam.*

It is shown that despite all the socio-cultural, political-cultural, ideological, political differences, these two phenomena are very close to each other in their objectives pursued, in the direction and results of operations, in the level of extremism. The author resumes that both phenomena are based on the systemic crisis of the modern world, where one of the key factors is the rejection of all taboos.

Keywords: *fundamentalism, Charlie Hebdo, radicalism, democracy, liberalism, libertarianism, terrorism, Islam, political Islamism, Salafism*
